

ОБРАЗ ХУДОЖНИКА

Сегодня исполняется 90 лет со дня рождения выдающегося советского мастера режиссуры, замечательного художника и гражданина Константина Александровича Марджанишвили.

Ниже мы публикуем воспоминания кинорежиссера Сергея ЮТКЕВИЧА о Коте Марджанишвили.

МАРДЖАНИШВИЛИ по своей природе не был режиссером «кабинетного» типа. Мы никогда не слышали от него длинных теоретических речей. В его творчестве было много от щедрой и острой импровизации. Он воспламенялся на репетициях, никогда не сидел неподвижно за режиссерским столиком и метался между сценой и партнером. Он творил спектакли как бы «на глазок», тут же, сразу, в присутствии иногда изумленных или потрясенных его участников. Он, очевидно, очень доверял этой своей режиссерской интуиции и свойствам своего артистического темперамента.

Но это не мешало ему соблюдать основной закон режиссерского творчества — обязательность общего руководящего постановочного замысла, того предварительного режиссерского видения спектакля, той конечной цели, к которой он стремился во время процесса его создания. Поэтому про Марджанишвили нельзя было сказать, что он приходил на репетиции, не готовясь или что его импровизация шла вне всякого плана. Он мог ошибиться в замысле, но если уж он внутренне его принял, то в реализации был настойчив и последователен.

Я никогда не работал с Вахтанговым, но видел все его постановки в самом их, так сказать, горячем виде, на генеральных репетициях или первых представлениях, дружил со многими из учеников Вахтангова, и, как по их отзывам, так и по собственному ощущению, мне кажется, что он, при всем различии, был чем-то сродни Марджанишвили. Вах-

тангов в своих творческих устремлениях был более склонен к философскому обобщению, но и Марджанишвили и Вахтангов, быть может, потому, что один из них родился в Грузии, а другой — в Армении, были по складу своего дарования импульсивными, моторными, темпераментными по складу мышления; противопоставляли безудержное, интуитивное общение с «командой» своего театрального корабля. В сотворчестве с ней рождались они свои спектакли, иногда вздохмаченные и не всегда логичные, но обязательно заразные и обязательные, покоряющие не столько стро-

мерностью воздействия искреннего и чистого таланта.

Обоим им была свойственна тяга к контрастам трагического и смешного — недаром особую радость находил Вахтангов именно в одновременной работе над «Гадibuком» и «Принцессой Турандот», а Марджанишвили — над «Саломеей» и «Четырьмя сердцами». Обоим им были присущи «южные» черты театрального стиля: контрасты ритма, яркость красок, сочный мазок декоративной живописи вместо тонкого рисунка акварельной кисточкой, любовь к музыке и пляске, органически вплетающихся в драматическое действие.

Константин Александрович лепил на площадке мизансцены, как скульптор. Это не значило, что он любил статуарность. Нет, наоборот, он никогда не позволял себе кокетничать изысканностью режиссерского рисунка. Изваяв группу, он задерживал ее в паузе ровно столько, сколько требовал смысл и ритм сценического действия, затем сейчас же сам рассыпал ее, перетасовывал, изменял, мял, как ваятель глину, и вновь собирал, проявляя неисчерпаемую изобретательность в этой работе с живым человеческим материалом. Его мизансцена являлась одновременно и действенной и пластически выразительной.

Один критик с профессиональным безразличным неодобрением заявил Марджанишвили: «Заключительная сцена спектакля малохудожественна». (Речь шла о спектакле «Овечий источник»). А в ней все действующие лица двигались к рампе радостные, с криками: «Да здравствует Фуэнте-Овехуна!», в зале зажигался и с движением актеров все разрастался свет.

Марджанишвили дал критику выговориться до конца, а потом внушительно сказал: «Поймите, мне надо, чтобы после того, как актеры двинутся к рампе,

• ГОДЫ •

• СОБЫТИЯ •

• ЛЮДИ •

зрители двинулись бы на фронт!» Намерения Марджанишвили осуществились. Каждый раз, когда освещали зал, перед нами вставала новая для нас картина: серое море красноармейских шинелей, молодые бобрики голов, открытые загорелые лица.

После каждого спектакля ночные улицы Киева оглашались лением «Интернационала»; его пела расходящаяся публика.

Спектакль «Овечий источник» вырос в политическое событие. Искусство влияло на жизнь, звало к борьбе за молодую свободу.

Я счастлив, что мне довелось побыть, хоть и недолгий срок, возле Марджанишвили в пору расцвета его таланта и наблюдать, как работает он над самыми различными видами сценического представления: трагедией, народной драмой, буффонадой и музыкальным спектаклем. На его опыте понял я, что такое творчество режиссера, постановочный замысел, как много значит верное проникновение в стиль автора и к чему приводит несовпадение содержания спектакля и его формы, какую огромную роль играют в творчестве постановщика фантазия и воображение, что такое настоящий режиссерский темперамент, как надо любить и ценить талант молодежи.

Вот почему образ Константина Александровича Марджанишвили, моего первого учителя, замечательного советского художника и благородного человека, останется навсегда в моей памяти и благодарность моя к нему будет неизменной.